

— Нет, — с сожалением опроверг Чжао Ли, прекрасно понимая, о чем тот хочет спросить. — У меня обычное пробуждение дикой природы.

Раз Чжао Ли не умеет проходить зверофикацию, как дядя, Линь У спросил:

— Значит, это дядя попросил тебя поехать с ним?

— Нет, я сам так решил, — Чжао Ли открыл заднюю дверцу и кивнул ребятам: — Садитесь.

Ван Е и Линь У друг за другом забрались на заднее сиденье.

Чжао Ли захлопнул дверцу и через опущенное стекло с улыбкой посмотрел на все еще растерянного Линь У:

— Ты бы смог со спокойным сердцем оставить дядю одного в горах?

Линь У машинально покачал головой.

Взгляд Чжао Ли, смягченный непривычно теплой улыбкой, излучал надежность и спокойствие:

— Вот и я не могу.

Пикап завелся и влился в дорожный поток. На самом краю неба едва брезжила первая полоска рассвета.

Линь У знал, что Тао Цэжань и Чжао Ли близкие друзья, но не подозревал, что связь между ними настолько крепка. Конечно, будущее туманно: возможно, дядя проживет в горах и вскоре передумает. Но прямо сейчас Чжао Ли давал обещание, которое могло полностью перевернуть его привычный уклад. Если Тао Цэжань решит остаться здесь навсегда, Чжао Ли, по сути, посвятит этому всю свою оставшуюся жизнь.

О подобной дружбе Линь У читал разве что в книгах.

Преданность до гроба, как у Лянь По и Линь Сянжу; готовность отдать жизнь друг за друга, как у Цзяоая и Ботао; нерушимый союз не на жизнь, а на смерть, как у Лю Бэя, Гуань Юя и Чжан Фэя...

— Эй, о чем задумался? — спросил Ван Е, заметив, что Линь У с самого момента посадки витает в облаках.

Линь У опомнился, бросил взгляд вперед — Чжао Ли сосредоточенно вел машину — и повернулся к Ван Е. Под мерный гул и тряску пикапа он негромко, с чувством произнес:

— Просто подумал... иметь за всю жизнь хотя бы одного такого друга, как Чжао Ли, — этого уже более чем достаточно.

С чего вдруг такие мысли?

Ван Е покосился на зеркало заднего вида, в котором отражалось вновь ставшее суровым лицо Чжао Ли. Попытавшись выстроить логическую цепочку и вспомнив их разговор перед тем, как они сели в машину, он наконец кое-что сообразил.

Хмыкнув, он протянул:

— Я поеду с тобой. — И стоило из-за этого так сокрушаться?

Линь У не уловил его мысли:

— Чего?

Ван Е притянул его к себе за плечо и с жаром произнес:

— Если ты решишь поселиться в горах, я поеду с тобой.

Зажатый в сильных объятиях амурского тигра, Линь У с трудом повернул к нему голову:

— У меня нет такой необходимости, спасибо.

Ван Е не сдавался, мягко настаивая на своем:

— Она вполне может появиться.

Линь У отдельно произнес:

— У меня ее правда нет.

Ван Е нахмурился и погрузился в молчание.

Линь У готов был поклясться, что уловил в его взгляде разочарование.

...И кто из них двоих на самом деле рвется в эти горы?!

Пикап покинул черту города и выехал на скоростную трассу.

Пейзаж по обе стороны дороги сделался однообразным: тянулись бесконечные ряды голых, лишенных листвы деревьев.

Наконец ночные инстинкты взяли верх над возбуждением. Прижавшись друг к другу плечами, волк и тигр принялись зевать в унисон.

Чжао Ли взглянул на них через зеркало заднего вида:

— Ехать еще часов семь, так что вздремните пока.

— Да ладно, мы не хотим спать, — отозвался Линь У.

— Бодры как никогда, — подтвердил Ван Е.

Но уже через пятнадцать минут пикапу пришлось сбавить ход на оживленном участке трассы.

Тряска от торможения мотала сидевших сзади парней из стороны в сторону, однако это ничуть не мешало их глубокому, ровному дыханию и сладким снам.

Линь У и Ван Е проспали до самой зоны дорожного сервиса. Сделав короткую остановку, чтобы размяться и перекусить вместе с Чжао Ли, они снова отправились в путь.

В два часа дня пикап наконец съехал с шоссе и свернул на горный серпантин.

Выспавшиеся за долгую дорогу Линь У и Ван Е теперь чувствовали себя совершенно бодрыми.

Пейзаж за окном неуловимо менялся. Чем выше они поднимались по серпантину, тем сильнее ощущалось дыхание зимы.

В Шэньяне снег уже сошел, но здесь, в холодном Цзилине, в самом сердце гор, все еще простиралось царство ослепительно белого снега.

Прежде гора Чанбайшань ассоциировалась у Линь У исключительно с Тяньчи. Подняться на самую вершину, окинуть взглядом бирюзовую гладь Тяньчи, представить все величие древнего извержения вулкана и восхититься тем, насколько искусен великий творец — природа.

По-настоящему узнать о книге горы Чанбайшань ему пришлось только вчера — после того, как он выяснил, что дядя собирается здесь поселиться.

На самом деле гора Чанбайшань представляет собой огромную горную систему протяженностью более двух тысяч километров. Помимо пиков, здесь раскинулись бескрайние горные леса, скрывающие уникальную экосистему первобытной тайги. Зеленое море, уходящее за горизонт, и богатейший животный и растительный мир — вот что было главным сокровищем этих мест.

— Чжао Ли, а далеко отсюда до Тяньчи? — неожиданно поинтересовался Линь У.

— Хочешь съездить на Тяньчи? — спросил Чжао Ли.

— Да нет, просто спросил. — На самом деле Линь У подумал, что если бы они находились неподалеку от туристической зоны, здесь было бы хоть немного оживленнее.

— Дорога к Тяньчи ведет в другую сторону, — пояснил Чжао Ли. — Мы едем не к вершине, а в самую глубь леса.

Линь У промолчал.

Одно слово — а какая колоссальная разница.

На вершине — благоустроенный курорт, а в глуши — глухая, непролазная чаща.

Линь У молча уставился в окно. Голые лиственные деревья у обочины сменились вечнозелеными корейскими кедррами.

Он помнил из прочитанных материалов, что у самого подножия горы Чанбайшань растут широколиственные леса, а на высоте около тысячи метров начинается смешанная тайга из корейского кедра и лиственницы.

Полчаса спустя.

Что ж, отлично: теперь вокруг раскинулся исключительно хвойный лес. Кедровые сменялись елями и пихтами. Их покрытые толстым слоем снега лапы отчаянно пытались пробиться к свету своей темно-зеленой хвоей.

Хвойная тайга тянется на высоте от тысячи до тысячи восьмисот метров. А поднимись выше двух тысяч — и останутся одни лишь лишайники да мхи.

Глядя на солнечные лучи, пробивающиеся сквозь кроны, Линь У мысленно взмолился: лишь бы не подняться туда, где деревья исчезают вовсе.

Условия на высоте тысячи метров и без того казались суровыми, но если забираться еще выше...

Дядя, ты там что, в отшельники-даосы записался?

Вообще-то после сорок девятого года животным запрещено превращаться в духов!

К счастью, пока деревья еще не поредели, пикап въехал в какую-то деревеньку. Миновав ее, машина направилась дальше в лесную глушь, больше не забираясь вверх по серпантину.

Однако вокруг становилось все безлюднее, и вскоре жилье полностью исчезло из виду.

Постепенно исчезли даже намеки на дорогу. Пикап петлял прямо среди деревьев, а солнечный свет, перекрываемый густыми кронами, становился все более тусклым.

Спустя какое-то время впереди наконец показалась просторная просека.

Там стояло несколько небольших деревянных избушек. С первого взгляда было понятно, что это постройки прошлого века. Назвать их ветхими развалинами было бы преуменьшением — у двух домиков даже провалилась крыша.

Но один из домиков явно отремонтировали: укрепили стены и, судя по всему, даже немного расширили. Снег перед ним был чисто выметен, а вокруг аккуратного небольшого двора тянулся заборчик.

— В восьмидесятых годах местные жители построили эти домики сообща, чтобы было где остановиться на ночлег во время охоты, — пояснил Чжао Ли, глуша мотор. — Потом охоту запретили, и место забросили.

— А разве поблизости есть деревня? — спросил Линь У. Помимо той, что они проехали в самом начале, по пути им не встретилось ни единой живой души.

— Раньше была, — ответил Чжао Ли. — А сейчас ближайшая к нам — это та, мимо которой мы проезжали час назад.

Время шло слишком быстро. Линь У припомнил статьи о том, как молодежь массово перебирается в крупные города, оставляя деревни медленно угасать.

Все трое вышли из пикапа.

Ван Е принялся оглядываться по сторонам в поисках чего-то.

Линь У прекрасно понимал, кого тот ищет, и спросил напрямую у Чжао Ли:

— А где дядя? Внутри?

Чжао Ли ничего не ответил, лишь молча посмотрел в сторону.

Линь У и Ван Е проследили за его взглядом.

Неподалеку рос исполинский кедр, чья тяжелая крона клонилась почти до самой земли.

Под его лапами стоял серебристо-серый тундровый волк.

Спокойный, грациозный и поразительно величественный.

Лучи предвечернего солнца пробивались сквозь ветви, пятнами ложась на его лоснящуюся шерсть и заставляя ее переливаться мягким светом.

Северный ветер стих, и в лесу воцарилась глубокая тишина.

Линь У и Ван Е не то чтобы не предполагали подобного исхода. Еще когда они впервые увидели волчью лапу в кофейне, у них зародилось это предчувствие. В дороге они даже в шутку обсуждали технические нюансы: сможет ли Ван Е, обернувшись амурским тигром, вести машину, чтобы покатать Линь У, принявшего облик волчонка.

Однако, столкнувшись с этим лицом к лицу, они все равно застыли в изумлении.

Перед ними стоял самый настоящий дикий зверь, в котором не угадывалось ни единого человеческого следа.

...И это действительно был Тао Цэжань?

В тени кедра тундровый волк вдруг шевельнулся.

Он направился к ним, плавно и бесшумно ступая по глубокому снегу.

Его спина ритмично покачивалась в такт шагам — сильный, грациозный и невероятно красивый зверь.

Хотя Линь У все еще до конца не верил, что это его дядя, он стоял не шевелясь и, наблюдая за его приближением, не чувствовал никакого страха.

Словно навстречу ему шел вовсе не опасный хищник, а чудесный, фантастический сон.

Похожее чувство овладевало им лишь однажды — во время первой ночной прогулки, когда, повинуясь таинственному зову, он точно в тумане покинул общежитие и шагнул навстречу прохладным объятиям ночи.

Тундровый волк приблизился, однако останавливаться не стал: он прошептал мимо них и направился напрямик к деревянному домику.

<http://bllate.org/book/18288/1753646>